

Мировоззрение в условиях цифровизации государства

Worldview in the conditions of digitalization of the state

DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-69-90

УДК 321

Получено: 11.09.2022 Одобрено: 29.09.2022 Опубликовано: 21.10.2022

Федорченко С.Н.

д-р полит. наук, главный научный сотрудник научно-проектного отдела Научно-инновационного управления Государственного академического университета гуманитарных наук, профессор кафедры управления наукоемкими отраслевыми и региональными проектами НИЯУ МИФИ.

e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Fedorchenko S.N.

Doctor of Political Science, Doctor of Political Sciences, Chief Researcher of the Scientific and Project Department of Scientific and Innovation Management of the State Academic University of Humanities, Professor of the Department of Management of Science-Intensive Industry and Regional Projects NRNU MEPhI.

e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Аннотация

Целью статьи стал анализ рисков и потенциалов формирования мировоззрения в условиях цифровизации государства. В качестве основной *методологической оптики* были выбраны принципы сравнительного анализа рисков и потенциалов цифровизации государства. Также в исследовании использована модель А. Тойнби «вызова – ответа». Среди основных *выводов* подчеркивается, что эпистемологические сдвиги способствовали тому, что государство, как основной политический институт, на протяжении истории своей эволюции было вынуждено последовательно сотрудничать с тремя сменяющимися друг друга группами, контролирующими производство мировоззренческих смыслов. Последний эпистемологический сдвиг означал не просто кризис прежних мировоззренческих систем, он подразумевал наложение двух процессов: появления Интернета, сообществ сетевых коммуникаций и возникновения цифрового капитализма, при котором цифровые корпоративные гиганты стали конкурентами постмодернистского государства в формировании мировоззренческих картин. В качестве ответа на подобные экзистенциальные вызовы предлагается конструирование национальной метавселенной – цифровой экосистемы государства, контролирующей активность цифровых корпораций для пользы общества. Желательным сценарием работы национальной цифровой экосистемы государства представляется гармония двух принципов – допуск сетевого дискурса и лидерства, защита мировоззренческого ядра страны. Цифровая платформа должна одновременно сохранять ценности страны и давать дорогу инновациям. *Теоретическая значимость* работы определяется тем тезисом, согласно которому симфония коллективного мировоззрения и индивидуальных мировоззрений невозможна без обратной трансформации праздного, конформистского Потребителя в ответственного и социально, экономически просвещенного Гражданина, способного реализовать свои запросы в политической агентности современного типа – сетевом лидерстве среди команд национальных проектов, направленных на консолидацию страны.

Ключевые слова: государство, мировоззрение, цифровизация, цифровое пространство, цифровая государственная экосистема, ценности, метавселенная.

Abstract

The *purpose* of the article was to analyze the risks and potentials of the formation of a worldview in the conditions of digitalization of the state. The principles of a comparative analysis of the risks and potentials of digitalization of the state became the main *methodological optics*. The study also used A. Toynbee's "call–response" model. Among the main *conclusions*, it is emphasized that epistemological shifts contributed to the fact that the state, as the main political institution, throughout the history of its evolution was forced to consistently cooperate with three successive groups controlling the production of ideological meanings. The last epistemological shift meant not just a crisis of the previous worldview systems. He implied the overlap of two processes: the emergence of the Internet, communities of network communications and the emergence of digital capitalism, in which digital corporate giants became competitors of the postmodern state in the formation of worldview pictures. As a response to such existential challenges, it is proposed to construct a national metaverse – a digital ecosystem of the state that controls the activity of digital corporations for the benefit of society. A desirable scenario for the work of the national digital ecosystem of the state is the harmony of two principles – the admission of network discourse and network leadership, the protection of the ideological core of the country. The digital platform should simultaneously preserve the values of the country and give way to innovation. The *theoretical significance* of the work is determined by the thesis according to which the symphony of collective worldview and individual worldviews is impossible without the reverse transformation of an idle, conformist Consumer into a responsible and socially, economically enlightened Citizen who is able to realize his needs in a modern type of political agency – network leadership among teams of national projects aimed at consolidating the country.

Key words: state, worldview, digitalization, digital space, values, digital state ecosystem, metaverse.

Что же касается остальных людей, то они не осознают того, что делают наяву, подобно тому, как они пребывают в забытьи о том, что делают во сне.

Гераклит, «О природе»

Благодарности

Исследование выполнено в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках проекта «FZNF-2022-0001 - Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой среде» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

Введение

Мировоззрение – не такой простой термин, как кажется на первый взгляд. Эта категория пересекается с предметной областью политологии, социологии, антропологии, культурологии, психологии, этнологии, истории и других научных направлений. Слово буквально образовано от двух других слов – «мира» и «зрения», связано с категориями мировосприятия, мироощущения, мирозерцания, воззрения, картины мира, представления о мире, образа мира и, по сути, подразумевает взгляд человека на окружающий его мир в трех временных плоскостях – прошлом, настоящем и будущем. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля встречается слово «зреть», что не только означает смотреть, но и постигать, понимать. Ф.И. Тютчев использовал слово «воззрение». Советская научная традиция определяла мировоззрение как систему понятий, взглядов, а также представлений об окружающем человека мире, больше сосредотачиваясь на разделении идеалистического и

материалистического типов мировоззрения [34, с. 272-273]. Согласно Большой Российской Энциклопедии, мировоззрение является ценностно-смысловым ядром образа мира, несущим отпечаток личностных особенностей человека¹. В мировоззрении убеждения, нечеткие представления и стереотипы переплетаются с знаниями о мире. По сути, мировоззрение – это система интерпретаций, идеалов, формирующих субъективные представления человека о том, каким мир должен стать или быть. Эта система идеалов и интерпретаций влияет на выбор мотивов и целей человека. Мировоззрение может обеспечивать согласие в стране, тогда как серьезный мировоззренческий раскол, наоборот, усиливает социальные противоречия.

Схожее по значению понятие давно используется в немецком языке (*weltanschauung*, от нем. *welt* – мир и *anschauung* – созерцание, убеждение, видение, концепция), встречаясь в работах И. Канта, Ф. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля, Л. Ранке, И. Гёте. Остальные языки также имеют аналоги этого термина: *worldview* (или *world-view*) – английский, *cosmovision* – испанский, *cosmovisão* – португальский, *conception-du-monde* – французский, *wereldbeeld* – голландский (текущий тематический номер «Журнала политических исследований» также посвящен мировоззренческим аспектам [2; 4; 6; 19; 21]).

Мировоззренческая система включает, как минимум, три фундаментальных элемента, важных для ее существования: а) мировоззренческих акторов – тех субъектов, от которых зависит формирование, воспроизводство и защита, сохранение этих самых идеалов, интерпретаций реальности; б) последователей – социальных групп, поддерживающих идеалы; в) коммуникаций, обеспечивающих распространение, закрепление и развитие идеалов посредством определенных ценностных кодов. Мировоззренческая система сильно переплетена с конкретной экономической, социальной и политической системами. Все элементы этой системы важны для ее сбалансированного функционирования, однако часто упускается из виду, что стратегически важными являются именно те самые идеалы (или идеи – политические, экономические и др.), благодаря которым и во имя которых сосуществует государство и общество.

Одним из первых глубоко задумался о природе первооснов мировоззрения – идеях – древнегреческий философ Платон. В диалоге «Тимей» он разделяет «негибнущие идеи» и «подобные им идеи», вечно движущиеся и воспринимающиеся с помощью мнения, ощущения. Весьма метафорично, в то же время пронизательно, проблему изменения мировоззрения человека Платон описал в виде «символа пещеры» [29, с. 295-296]. При этом в диалоге «Федон» он пишет о борьбе противоположных идей [27, с. 150]. Перенося проблему в диалоге «Законы» в политическую плоскость, Платон усматривает риски «смещения нравов» при контактах граждан разных государств [28]. Считать эти тезисы неким манифестом изоляционизма в корне не верно, скорее, Платон больше придает значение качеству внутренней коммуникации граждан государства, неслучайно в тех же «Законах» он подчеркивает: «Для государства нет более великого блага, чем близкое знакомство граждан друг с другом. Где во взаимоотношениях нет света, но царит тьма, там никто не может правильно достичь заслуженного почета, власти и подобающих прав» [28, с. 386]. Ведь, если коммуникация между гражданами, между обществом и государством хорошо налажена, обеспечивает социальное согласие, и гражданин любого этноса, вероисповедования, социальной группы благодаря такой коммуникации может реализовать себя в стране как в экономической, так и в политической плоскости, то он будет поддерживать и защищать систему мировоззрения, обеспечивающую весь этот порядок. В этом же диалоге Платон предлагает довольно глубокую мысль о высшем смысле мировоззрения любого гражданина: «Дело в том, что гражданину достаточно владеть тем искусством, которое одновременно нуждается в упражнении во многих познаниях, это – умение поддерживать и соблюдать общегосударственное благоустройство. Гражданин не может этим заниматься так, между прочим» [28, с. 284].

¹ Леонтьев Д.А. Мировоззрение. URL.: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2217191> (дата обращения: 04.09.2022).

Но со времени Платона традиционные формы коммуникации, соединяющие экономические, социальные и политические институты, серьезно изменились. Прежние аналоговые коммуникационные каналы уступают место цифровым. Причем, государство теряет свою монополию в сфере конструирования и сохранения мировоззренческих смыслов. На эту миссию начинают претендовать совершенно новые акторы – цифровые корпорации. Поэтому будет интересно порассуждать на тему существования такого политического института как государства, а также поддерживающего и легитимирующего его мировоззрения на фоне происходящих масштабных цифровых технологических трансформаций. Ведь при возникновении цифровых платформ, социальных сетей такой важнейший функционал мировоззренческих систем как объяснение и обоснование (легитимация) существующего социального, экономического и политического порядка никуда не исчез, сохраняя свою актуальность во взаимоотношениях общества и политической власти. Немало важно разобраться в том, каковы шансы у современного государства выдержать конкуренцию с транснациональными цифровыми корпоративными акторами, приспособится к технологическим метаморфозам и активно участвовать в развитии мировоззренческих картин. Поэтому целью работы будет анализ потенциалов и рисков формирования мировоззрения в условиях цифровизации государства.

Академический дискурс о мировоззрении

Примечательно, что категория мировоззрения никогда не останавливалась на некоем своем одном значении. К примеру, если у Канта мировоззрение (*weltanschauung*) – это простое восприятие природы человеком, то у Шеллинга – это уже осознанный, самостоятельный способ объяснения и постижения человеком сущего. Отсюда неудивительно, что постепенно появились различные видения феномена мировоззрения: М. Шелер отмечал, что формирование мировоззрения приобретает важнейшее значение для философии, тогда как М. Хайдеггер придерживался противоположной позиции. Хайдеггер связывал проблему мировоззрения с наукой и калькулирующим (считывающим, планирующим) типом мышления, отличающегося от осмысливающего мышления, относящегося к философии [26]. Несмотря на эту дискуссию, многие ученые согласны с тем, что мировоззрение: а) есть у каждого человека, б) может быть религиозным, светским или включать набор предположений о жизни (С. Мидема, Д. Наугле, Дж. Валк, Х. Врум), в) связано с той культурой, где этот человек живет (Д. Аэртс, Л. Апостиль, Х. Врум), г) никогда не бывает нейтральным, так как формируется из норм и ценностей.

Предпринимались и попытки конструирования целых аналитических схем мировоззрения. Бельгийский философ Л. Апостиль, сторонник сближения естественных и гуманитарных наук, создал междисциплинарную группу исследователей, а также предложил основные компоненты, с помощью которых можно изучать мировоззрение. К этим компонентам относятся: 1) модель существующей реальности, онтология; 2) модель прошлого, история; 3) модель будущего, футурология; 4) аксиология – теория ценностей (определение добра и зла); 5) праксиология – теория действий (практическое воплощение мировоззрения); эпистемология – теория познания (определение истинного и ложного знания) [37]. Аналитическая схема Апостиля довольно корректна и в целом не отходит от заложенной еще Платоном традиции изучения основополагающих идей.

Иногда мировоззрения делят на институциональные и личные (вариант – коллективные и индивидуальные). Институциональное мировоззрение означает сложившуюся с течением времени и разделяемую социальной группой совокупность взглядов на жизнь, идеалов, ритуалов, традиций. Такой тип мировоззрения может обладать как светским, так и религиозным характером. Личное мировоззрение человека может на деле являться более сложным, быть связанным с определенным институциональным мировоззрением либо вообще являться модифицированным вариантом – продуктом сочетания нескольких институциональных мировоззрений. При таком подходе молодежное сознание классифицируется как «мозаичное», «гибридное», подразумевая нелинейность,

динамичность, высокую текучесть и сложность, а также прохождение важных «рефлекторных пауз» [40]. Безусловно, государство, как важнейший политический институт, в такой схеме имеет прямое отношение к воспроизводимому институциональному мировоззрению, не отрицая и уничтожая, а связывая личные, индивидуальные мировоззрения с общей ценностной матрицей.

Среди некоторых авторов наблюдается отход от прежнего рассмотрения мировоззрений как неких статичных совокупностей убеждений и практик (на деле, эти взгляды являются разными вариациями критических моделей в отношении учения Платона о вечных неменяющихся идеях – эйдосах). Вместо этого актуализируется понимание мировоззрений как динамичных, постоянно модифицируемых, внутренне противоречивых, разнообразных сущностей². Правда, такими авторами не всегда поясняется, до какой критической черты можно допускать динамичность и разнообразие мировоззрения. Не приведет ли такой подход к отрицанию и разрушению ценностного ядра мировоззрения и фатальным последствиям для общества и государства? Ф.И. Тютчев в «Письме о цензуре в России» (1857 г.) как раз не просто подчеркивал значение медиа (в его понимании – печати) в управлении общественным сознанием, но и важность непротиворечивости мировоззренческих картин у представителей власти и общества: «...Следовало бы во взгляде на нашу страну решиться признать то, что родители, видящие вырастающих на их глазах детей, с таким трудом осознают: наступает зрелый возраст, когда мысль тоже взрослеет и требует к себе соответствующего отношения. А для завоевания нравственного влияния на достигшие зрелости умы, без чего нельзя помышлять о возможности руководить ими, следовало бы прежде всего вселить в них уверенность, что по всем значительным вопросам, заботящим и волнующим сейчас страну, в высших сферах Власти имеются если и не совсем готовые решения, то, по крайней мере, твердые убеждения и целостное воззрение, связанное во всех своих частях и последовательное» [32, с. 127]. По сути, Тютчев затрагивает проблематику мировоззренческого раскола, к которой уже обращаются российские политологи [36].

Допускать динамичность и разнообразие мировоззрений в цифровую эпоху уже недостаточно. Эти факты вряд ли кто-то будет отрицать. Гораздо перспективней обратить исследовательское внимание на возможности сохранения целостности ценностного ядра мировоззрения в условиях распространения сетевых коммуникации и возрастания роли транснациональных цифровых корпораций. Нельзя и игнорировать участие государства в формировании коллективных мировоззренческих смыслов, которое так или иначе происходит в разных странах. И, как правило, результатом такой мировоззренческой работы становится создание коллективных идентичностей. На этом фоне весьма взвешенным подходом видится модель *эпистемологических сдвигов мировоззрения* Р. Фрэнча, основные тезисы которой он изложил в своей рецензии на книгу Б. Келлерман «Конец лидерства» (явный намек на «Конец истории» Ф. Фукуямы). Оттолкнувшись от условного деления на три эпистемологические эпохи – домодернистскую, модернистскую и постмодернистскую, Фрэнч связал изменение коллективного и индивидуального мировоззрения с эпистемологическими сдвигами, переходами, во время которых кардинально менялось производство, распространение и само понимание знания (конечно, это также было обусловлено и экономическими изменениями, возникновением новых социальных групп и производительных сил). Эпистемологические сдвиги же происходили из-за появившихся технологических новаций³. Иными словами, в модели Фрэнча предпринята попытка одновременно объяснить судьбы трех феноменов – мировоззрения, государства и технологий, что имеет принципиальное значение для данной статьи.

² Shaw M. Worldview literacy as intercultural citizenship education: A framework for critical, reflexive engagement in plural democracy // Education, Citizenship and Social Justice. February 2022. DOI: 10.1177/17461979211062125. URL.: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/17461979211062125> (дата обращения: 04.09.2022).

³ French R.P. Deconstructing The End of Leadership: Postmodernity, Epistemology, and Worldviews // SAGE Open. 2016. Vol. 6. Iss. 7. DOI: 10.1177/2158244016628588. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244016628588> (дата обращения: 04.09.2022).

Первый эпистемологический сдвиг, по Фрэнчу, был связан с возникновением печатного станка и отходом от сакрального, религиозного обоснования политического авторитета, устного общения к переориентации на национальное государство, письменные и печатные сообщения. Модерн означал переосмысление общественного договора, приход авторитета «фактов», установленных не церковью, религией, а государством, государственными деятелями, наукой, университетом. Постмодерн был подготовлен традиционными медиа (радио, телефоном, телевидением) и предполагал очередной эпистемологический сдвиг, сопровождаемый внедрением новых технологий и коммуникаций – социальных сетей Интернета. Последний сдвиг создал важные вызовы для национального государства, связанные с развитием социальных сетей, разных сообществ на локальном и глобальном уровнях. С одной стороны, появилось недоверие к прежним источникам знания и авторитетам, влияющим на систему мировоззрения, – государственным деятелям, ученым, политическим лидерам. С другой стороны, постмодерн с развитием интернет-коммуникаций стал характеризоваться множественностью, большим разнообразием источников знания, отрицая метанарративы, подозреваемые в сохранении традиционных власти и контроля. При этом, несмотря на кажущееся разнообразие источников знания, к ним также возникал скепсис.

Как видно, аналитическая схема Фрэнча возвращается к модели Апостилия, уделявшего эпистемологии отдельное внимание, в то же время она в основном констатирует постмодернистские риски для мировоззрения модерна и национального государства, умалчивая о судьбе и роли современного государства в формировании мировоззренческих картин. Возможно, она будет иметь лучший объяснительный потенциал, если в ней учесть наработки канадского исследователя Г. Инниса, ведь он обращал внимание на проблему монополии на знание, появление привилегированных, закрытых групп специалистов, нарушение баланса власти и знания, чреватого драматическими последствиями для общества и государства [38, с. 10-13]. Это же, в свою очередь, заставляет вспомнить теоретическое наследие А. Грамши, который полагал, что необходимым требованием для удержания власти является гегемония посредством группы интеллигенции. Последняя облегчает властям согласие с обществом и политическое управление [7, с. 86-87], а также воспроизводит нужные для этого идеи и культуру. Следует учитывать, что Грамши сформулировал свою концепцию до появления сетевых эффектов Интернета. Сейчас концепция гегемонии вызвала новый научный дискурс. Например, С. Лэш предложил новую модель постгегемонистской власти, которая сосредоточена не на воспроизводстве некой культуры, а на логике создания культуры и политических отношений в условиях цифровых медиа [39]. Интересным дополнением к этому дискурсу стала концепция софт-культуры Л. Мановича [22; 23].

Мировоззренческая проблематика затрагивает и современный политологический дискурс.

Методологические пояснения

Основной методологической оптикой данной работы станут принципы сравнительного анализа мировоззренческих рисков и потенциалов цифровизации государства. При этом исследование опирается на модель А. Тойнби «вызова – ответа».

Мировоззренческие риски цифровизации государства

Государство до наступления цифровых технологических трансформаций оставалось важным актором формирования мировоззренческих картин за счет обращения работающих на него специалистов (политических советников, идеологов, стратегов, консультантов, аналитиков и технологов) к «большим смыслам», образам прошлого, будущего и настоящего, символам, подкрепляющим проводимую правительственную политику и консолидирующим общество. Такая мировоззренческая работа подразумевала донесение значимых идеалов до населения посредством традиционных форм коммуникации (церковная служба, проповедь, священная символика икон, храмов, соблюдение постов, религиозных ритуалов, традиций и праздников). До первого эпистемологического сдвига древние и средневековые государства

учитывали сакральные, религиозные инструменты поддержания мировоззренческих систем, объясняющих и одновременно обосновывающих (легитимирующих) существующий порядок. Большим подспорьем для поддержания порядка была опора на группу духовенства, священнослужителей.

Изобретение станка, книгопечатания спровоцировало эпистемологический сдвиг модерна с новыми формами политической коммуникации (книги, газеты, журналы, листовки), развитие идеи национального государства, светских, а не только религиозных элементов мировоззрения, распространение идеологий. Логика медиа модерна вполне соответствовала логике массового общества индустриального характера [22, с. 31], исходя из того, что граждане придерживаются каких-то убеждений (консервативных, социалистических, либеральных и др.), составляющих мировоззренческие системы, и пользуются схожими благами. Государство периода модерна при формировании мировоззренческих картин уже учитывало не только церковь, а, говоря языком А. Грамши, группы интеллигенции, авторитетов в науке, искусстве, кинематографе, литературе, средствах массовой информации.

Со вторым эпистемологическим сдвигом произошедшие технологические открытия и возникновение Интернета поспособствовали отрицанию прежних мировоззренческих координат, кризису идеологий, актуализации постиндустриальных запросов на собственный стиль и уникальность информационного потребления, а также личного мировоззрения каждого гражданина. Постмодернистский скепсис к государственной повестке и правительственной политике, партиям, авторитетам из университетской среды, традиционной журналистике, телевидению, общественным организациям не привел к некому вакууму из мировоззренческих акторов, а открыл серьезные перспективы цифрового пространства для таких инфлюэнсеров, как блогеры, влогеры, сетевые лидеры. Логичным следствием всех произошедших изменений становится то, что в отличие от государства модерна, государство постмодерна при формировании мировоззренческих картин вынужденно было учитывать не просто авторитеты из научной среды, искусства, кинематографа, журналистики, литературы, а медиамагнатов, позже – владельцев популярных цифровых платформ, группу самих программистов, способных разработать и внедрить нужный алгоритм, программу, сетевую архитектуру, где могут существовать инфлюэнсеры. Таким образом, вырисовываются три этапа учета государством групп, контролирующих производство и трансляцию мировоззренческих смыслов (домодерн – священники, модерн – светская интеллигенция и владельцы традиционных медиа, постмодерн – владельцы цифровых медиа и программисты). Да и сам институт государства также не стоял на месте, так как его ядро – политическая власть – постепенно преобразовывалось под влиянием исторических условий. М. Фуко на этот счет как раз отмечает [35, с. 164], что сначала развилась суверенная власть («государство юстиции» – контроль ресурсов и территорий), затем возникла дисциплинарная власть («административное государство» – более эффективный, скрытный, регламентирующий и менее затратный контроль за человеком) и, наконец, зародилась биовласть («государство управления» – контроль множеств, массы, учет сетевых структур).

Государство постмодерна начинает приобретать довольно специфические признаки, что особенно видно на примере так называемых либеральных демократий. По оценке К. Крауча, государство приобретает характер эллипса [16, с. 126-127]: во-первых, происходит концентрация центральной политической власти, приватизирующей часть своих функций в пользу частных поставщиков, консультантов и удерживающей наиболее стратегические формы деятельности, во-вторых, это сжавшееся ядро политической власти начинает преимущественно взаимодействовать с корпоративной элитой, в том числе с руководством цифровых корпораций, в-третьих, власти среднего и нижнего уровня фактически утрачивают свою политическую роль, перестраивая свою деятельность, исходя из логики рынка «покупатель – продавец». В результате активно развивается довольно специфическая форма *новой политической экономики*: параллельно процессу трансформации государства идет развитие цифрового капитализма, в основе которого – все более возрастающая роль

транснациональных цифровых корпоративных гигантов в экономических и социальных отношениях.

Мировоззренческие риски для государства кроются в том, что транснациональные цифровые корпорации не только становятся собственниками популярных у граждан разных стран коммуникационных каналов, а также платформ, где проводятся различные транзакции, но и могут придерживаться диаметрально противоположных мировоззренческих координат. Цифровые корпорации, как убедительно показала в своем исследовании Ш. Зубофф [12, с. 29-33], перешли от относительно компромиссной *модели реинвестирования поведенческой стоимости* (за право доступа к данным пользователя ему корпорацией предоставлялось обновление программного обеспечения) к весьма предвзятой *модели изъятия поведенческого излишка* (оцифровка любой пользовательской активности, «цифровых следов» и использование излишка данных в узкокорпоративных задачах). Такая экономическая модель изъятия поведенческого излишка сформировала условия для особой «инструментальной власти», действующей в интересах корпоративных игроков и пытающаяся скорректировать умонастроения общества в выгодную для них сторону. Между тем, несмотря на внедрение «сквозных технологий» (нейросетевых алгоритмов, искусственного интеллекта, Интернета вещей, Big Data) в новой политической экономии наблюдается все та же классическая закономерность, подмеченная еще марксистами, – стремление цифровых корпораций к монополизму.

Новая политическая экономия диктует свои правила: примечательно, что техногиганты стараются создать подконтрольную себе социотехническую реальность в виде сложных цифровых инфраструктур, тесно объединяющих физический и виртуальный мир и в которых граждане бы получали разнообразные возможности – от финансовых транзакций до политических коммуникаций. Не так давно о создании такой социотехнической реальности в виде *метавселенной* («трехмерного Интернета») заявил соучредитель компании Meta⁴ медиамагнат М. Цукерберг⁵. Конечно, транснациональными корпорациями декларируется политическая нейтральность, идеологическая непредвзятость, уважение к разным ценностям, культурам, взглядам в создаваемых метавселенных (metaverse). Но так ли это на самом деле? И каким акторам выгоден политико-экономический формат цифрового капитализма?

Политическая турбулентность, спровоцированная украинским кризисом, социально-экономические и политические противоречия в ЕС выгодны тем политическим акторам, которые заинтересованы в сохранении англосаксонской геополитической гегемонии, а не в многополярном мире. Стратегия оттока капитала, кадров, мощностей, ухода самих технологических корпораций, перевода (выкупом и др.) технологических, промышленных и других активов из европейских стран в американскую экономику может стать спасательной подушкой для США в случае серьезного кризиса долларовой системы⁶. На то, что цифровая политическая экономия концептуально и технологически создана для сохранения англосаксонской геополитической гегемонии, указывает базовый признак предлагаемой metaverse, который описал венчурный инвестор Мэтью Болл⁷, – метавселенная будет бесконечной, не иметь границ и никогда не перезагружаться [33]. Другими словами, готовится цифровая оболочка новой модели глобализации, несущей прямую угрозу цифровому, технологическому суверенитету тех стран, которые ее примут как данность. Между тем, навязываемая модель глобальной метавселенной вряд ли будет нейтральна в мировоззренческом отношении. Скорее, наоборот, цифровые техногиганты, как сетевые

⁴ Деятельность корпорации Meta, а также ее платформ Facebook и Instagram признана экстремистской и запрещена в РФ.

⁵ Mark in the metaverse. URL: <https://www.theverge.com/22588022/mark-zuckerberg-facebook-ceo-metaverse-interview> (дата обращения: 27.08.2022).

⁶ Данный сценарий по причине множества переменных украинского кризиса и сохраняющейся политической турбулентности может не воплотиться в реальность в полной мере.

⁷ Matthew Ball. The Metaverse: What It Is, Where to Find it, and Who Will Build It. URL: <https://www.matthewball.vc/all/themetaverse> (дата обращения: 27.08.2022).

акторы этой социотехнической среды, будут генераторами мировоззренческих картин. Тестовый вариант ценностной оболочки такой метавселенной уже просматривается на примере «культуры отмены», применяющейся к политикам и даже к отдельным корпорациям, разделяющих иную политическую идеологию. Так, пользователи платформы Parler, поддерживающей Д. Трампа, столкнулись с *деплатформизацией* – запретом доступа к приложениям Google и Apple, проблемами со стороны Amazon⁸. Цифровые монополисты Google, Microsoft, Apple, Amazon и др. не просто остаются проводниками консервации однополярного миропорядка, контуры формируемой ими метавселенной будут включать ценности того гегемона, который станет также защищать их интересы (сложились своего рода симбиотические отношения).

Мощнейшее и бесконтрольное вторжение корпоративных техногигантов в социальные процессы заставляет отдельных исследователей (А. Жиру) говорить о появлении особой *зомби-политики* – политики незаинтересованности общим благом, проблемами общественной жизни. Подобный тип политики основан на *казино-капитализме* – виде капитализма краткосрочных инвестиций, рассчитанных на быструю прибыль, принцип «одноразовости человека» и полное игнорирование ответственности перед обществом [11, с. 104-118]. Зомби-политика держится на распространении в цифровом пространстве культуры страха и культуры жестокости. Культура страха нужна для манипуляции общественным сознанием, повсеместного внедрения режима слежки за человеком, приоритета безопасности и обеспечения политической лояльности граждан. Происходит забвение общественного пространства, гражданского образования и закономерный *кризис политической агентности* граждан. Культура жестокости («новые гладиаторские игры») дается гражданину за место потерянной политической агентности – при ней посредством цифровых медиа разжигается ненависть к отверженным социальным группам, метафорически преподносимых в виде ненужных «зомби» [11, с. 88, 154-166, 226] (тезисы Жиру отчасти пересекаются с моделью некрополитики камерунского политического теоретика Ахилла Мбембе). Итогом такой зомби-политики становится то, что *социально и политически ответственный Гражданин превращается в Потребителя готовых социальных и политических образов и моделей поведения*.

Цифровые корпорации становятся сильным конкурентом государства за формирование мировоззренческих смыслов, что видно на примере появления так называемых «культурных интерфейсов». Л. Манович, предложивший этот термин, под ним подразумевает опору жанров культуры, культурных артефактов (текстов, музыки, фильмов, онлайн-музеев, энциклопедий, журналов, компьютерных игр, фотографий, виртуальных пространств) на компьютерные технологии, внедряемые корпорациями принципы человеко-машинного интерфейса. Интерфейсы присутствуют в браузерах, социальных сетях, других веб-ресурсах. При этом программный код не является неким нейтральным элементом в ценностном отношении. Манович допускает, что посредством кода можно программировать символические и культурные ограничения и тем самым конструировать модели мира, идеологии, логические системы [23, с. 101-107], хотя и скептически относится к тому, чтобы считать цифровые медиа типом коммуникаций, фундаментально отличающимся от традиционных медиа.

Конкуренция государства и цифровых корпораций в контроле мировоззренческих картин обостряется и тем, что корпоративные игроки более активно проводят исследования в области «сетевых эффектов» [31, с. 42-45, 91], создавая цифровые платформы, дающие пользователям возможность коммуникации и транзакций. Подобное провоцирует последующие сетевые эффекты – рост числа пользователей, превращение цифровых корпораций в монополии транснациональной, мировой значимости, переходу корпоративных

⁸ Van Dijck J., de Winkel T., Schäfer M.T. Deplatformization and the governance of the platform ecosystem. *New Media & Society*. 2021. November 25. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/14614448211045662> (дата обращения: 27.08.2022).

игроков на постоянное извлечение пользовательских данных (нового типа ресурсов). Это обуславливает и не менее важный процесс стремительной трансформации Гражданина в Пользователя. Сетевые эффекты и своеобразное переманивание цифровыми техногигантами граждан на свои платформы бросают вызов самой сути государственности [14, с. 187], лежащей на принципе относительно жестко закрепленных институциональных основ политических систем, обеспечивающих целостность и структурное единство существующего порядка. Кстати, недавно появилась довольно неоднозначная и дискуссионная модель анализа современных режимов медиации через античную терминологию. Модель подразумевает, что такой режим медиации как *фуриозность сетей* (множественность роя, расширяющиеся сетевые распределенные системы) подчинил себе два прежних доминирующих режима медиации – *герменевтическую интерпретацию* (текст, циркуляция сообщения, рефлексия, репрезентация) и *имманентную иридизацию* (изображения, мгновенность сообщения, абсолютная безусловность) [8, с. 42-43, 78]. Государство, учитывающее эволюцию режимов медиации, скорее, сможет приспособиться к новым сетевым условиям и выиграть в конкуренции с корпоративными игроками за право конструирования мировоззренческих смыслов.

Чтобы влиять на пользовательское поведение, корпоративные гиганты проводят эксперименты с формированием индивидуального (личного) мировоззрения человека. Доказательством этого является выстраиваемая архитектура интерфейсов социальных сетей, направленная на поддержание активной самопрезентации пользователя через эффект *«инфляции профиля»*. Суть этого эффекта в том, что данные, фото, обновления *цифрового аватара* (личного аккаунта, профиля) пользователя ориентированы на регулярное социальное сравнение с другими пользователями посредством *цифровых ритуалов* – лайков, комментариев, репостов, других реакций [12, с. 600-607]. Алгоритмы, усиливающие такое перманентное социальное сравнение, формируют не стабильную идентичность, связанную с коллективным мировоззрением, а бесконечно приспособляющуюся *«идентичность-хамелеон»*, погруженную в сетевой улей, в котором изучаются, рейтинуются и корректируются поведенческие реакции. В результате возникает *алгократия* – новая форма политической власти, основанная и реализуемая на практике применения алгоритмов. При этом такая роль алгоритмов укладывается в новый, хотя и дискуссионный концепт *«темных медиа»* – разновидности медиа, являющихся проводниками к незнакомой, непонятной онтологии и выполняющих функцию посредников между человеком и нечеловеческим [8, с. 185] (например, социальными ботами, искусственными интеллектуальными агентами).

Существует предположение, что сетевая среда замедляет нравственную социализацию подростков, снижает адекватность морального выбора, давая возможность уходить от вызовов, бросаемых им реальной жизнью [9]. В результате мнение представителей молодежи может становиться более категоричным. Вдобавок высокая скорость распространения информации в цифровой среде разрушает традиционные ритмы осмысливания информации с ценностным, социальным и политическим значением: человек физически не успевает обдумать полученные идеи, преобразовав их в идеалы, убеждения и принципы [9]. Инфляция профиля и гипертрофированное социальное сравнение приводит к падению мировоззренческой рефлексии и более простой ориентации человека на готовые ценностно-моральные шаблоны поведения.

Если государство не интересуется созданием лояльных или подконтрольных себе цифровых корпораций, оно может постепенно столкнуться с угрозой полного исключения из процессов формирования мировоззренческих смыслов. В связи с этим важно подчеркнуть, что сущность цифровых медиа (блоги, форумы, социальные сети, имиджборды), где сейчас есть конкуренты по созданию мировоззренческих смыслов у государства (корпорации, инфлюэнсеры), радикально отличается от традиционных медиа (телевидение, радио, газеты). Ключевым признаком цифровых медиа и конструируемой ими среды является *транскодинг* (абсолютно любая информация преобразуется в цифровые данные, благодаря чему их можно систематизировать, анализировать, преобразовывать и т.д.). Транскодинг соотносит

информацию не с мировоззрением, культурой, а с определенными алгоритмами. Соответственно, сразу возникает вопрос ценностной объективности, непредвзятости создателей и владельцев алгоритмов, которая, по сути, в современных условиях невозможна. Другим признаком цифровых медиа называют программируемость. С помощью этого свойства можно кардинально менять имеющиеся коммуникационные порядки, отныне подверженные алгоритмическим манипуляциям [23, с. 60-81]. Отныне все объекты коммуникационных потоков – цифрового формата и могут быть выражены в числовых значениях.

Модульность – это еще один признак цифровизации медиа. Данное свойство открывает для цифровой коммуникации фрактальные возможности – цифровые слагаемые мировоззрения (от текстов до изображений и музыки, несущих ценностную нагрузку) сохраняют модульную структуру наподобие фрактала с неизменной формой из независимых и заменяемых элементов (в виде готовых шаблонов – пикселей, кодовых комбинаций, скриптов, многогранников). Хотя, несмотря на шаблонный характер таких элементов, цифровые медиа допускают принцип вариативности, создавая множество собственных версий вместо огромного числа идентичных копий (например, каждый пользователь веб-сайта может получить свой индивидуальный вариант – от общего вида до интерфейса и функционала).

Особенности цифрового пространства способствуют тому, что базы данных превращаются в значимый фактор любого процесса, в том числе процесса мировоззренческого творчества. Эпистемологические сдвиги ослабили роль повествовательных систем (мифов, религиозных текстов) в объяснении предлагаемых для человека мировоззренческих картин. На человека обрушилось огромное количество информации, которую требовалось качественно обработать. Поэтому *автоматизация*, как признак цифровых медиа, хорошо видна на примере работы интеллектуальных систем [22], автоматизирующих поиск информации, использующих опыт, мнение других людей по конкретной проблеме или вопросу и предлагающих рекомендации по итогу таких процедур. Это означает, что творческий фактор может быть частично изъят из процессов коммуникации и, гипотетически, формирования мировоззренческих смыслов. В этом отношении приход технологий искусственного интеллекта задает экзистенциальные риски. Автоматизация не исключает и риски мировоззренческой манипуляции (достаточно вспомнить факты некорректного ранжирования поисковых запросов, тем, слов в крупных поисковых веб-системах).

Все цифровые медиа интерактивны, тогда как у прежних медиа имеется довольно жесткий порядок использования и воспроизведения. Цифровым медиа присущ бинарный код, в отличие от аналоговых они способны сохранять высокое качество при копировании. Вместе с тем, цифровые медиа – это фиксированный объем данных. Перечисленные признаки составляют основу цифровых текстов, видео-, фото-, аудиофайлов. Можно обратить внимание на еще одно важное замечание Л. Мановича – цифровые медиа определяются не контентом с каким-либо мировоззренческим содержанием, а программой [22, с. 64-65], интерфейс которой может отражать ценности программиста, производителя. *На деле цифровые медиа – это софт. Следовательно, кто контролирует софт, тот контролирует каналы формирования мировоззрения.* Кстати, возвращаясь к тезису Тютчева о «мировоззренческом расколе», логично заметить, что у программистов может быть совсем иные ценности, чем у представителей социальных групп, властей конкретной страны.

Такое положение чревато ростом социального недовольства, усиливающегося эффектом цифрового неравенства, когда новая элитарная Data-кратия, по мнению С.В. Володенкова, стремится контролировать остальное население, разделенное на подчиненные «дата-классы». Не исключено, что подобные группы захотят захватить и удержать политическую власть, формируя мировоззрение, легитимирующее установленный ей порядок, через цифровые капсулы с готовой, управляемой ценностно-смысловой повесткой на основе принципа ранжирования.

Приведенный перечень мировоззренческих рисков цифровизации государства далеко не полон. Если государство полностью оставляет в стороне от своей политики мировоззренческие проблемы, то ими начинают активно заниматься его конкуренты на этой арене – другие государства, террористические организации, радикальные политические партии и движения.

Потенциалы метавселенной для формирования мировоззрения

Все обозначенные цифровые риски формируют целый набор вызовов для современного государства. Конечно, по этой причине отказываться от преимуществ цифрового пространства для государства не стоит. Цифровые технологии – это всего лишь инструмент, который может служить как прогрессивным, созидательным целям развития общества и государства, так и вполне деструктивным, разрушительным. При таком положении государству резонно использовать те преимущества цифровых технологий и коммуникаций, которые, наоборот, способны укрепить его суверенитет и авторитет, развивать новые перспективные экономические отрасли, совершенствовать общественную безопасность и консолидировать страну. Государству, чтобы успешно отвечать на вызовы технологической и политической турбулентности, отчасти придется стать цифровым государством. Но каковы потенциалы такого цифрового государства в формировании значимых мировоззренческих смыслов?

Возможности мировоззренческого дизайна в цифровой среде обусловлены ключевым правом, сохраняемым государством с эпохи Античности, – правом на *экскоммуникацию* – созданием одностороннего типа сообщений, прекращающих все другие сообщения и коммуникационные практики [8, с. 25, 99]. Экскоммуникация – это не просто политическая цензура, а установленный государством коммуникативный порядок, – тот, что не только прекращает коммуникацию, но и предшествует ей. Такой порядок экскоммуникации, во-первых, включает *протоколы*, определяющие, какие формы коммуникации допустимы, а какие нет, и, во-вторых, на деле приводит к отстранению от сообщества [8, с. 28]. Между тем, установление общего коммуникационного порядка невозможно без внедрения цифровой экосистемы государства.

В условиях роста монополизма цифровых корпораций и постмодернистских рисков культуры отмены для политиков, партий, мировоззренческих систем и целых государств возрастает спрос на развитие такого важного элемента цифрового суверенитета страны как *цифровая экосистема государства*, – фактически, политического интерфейса. Беря в расчет возрастание роли интернет-коммуникаций в жизни граждан и появление на основании этого софт-культур из практик обращения к культурным артефактам, ценностям посредством компьютерных технологий, современному государству стратегически важно выстроить работающий механизм цифровой социализации. Под *цифровой социализацией* ряд авторов полагают процессы интернализации правил, норм, ролей сетевого социума, практик, инкорпорации в сферу ценностей цифровой культуры, а также экстернализации пользователей в коммуникационной специфике цифрового пространства [25]. Цифровая социализация обусловлена региональными различиями развития экономики, цифровой инфраструктуры, нюансами местной культуры, особенностями освоения сетевых технологий со стороны «цифровых аборигенов» и «цифровых мигрантов».

Перечисленные черты цифровой социализации подразумевают, что до того, как государство активно подключится к процессу формирования коллективных мировоззренческих смыслов и идентичностей, оно должно минимизировать и в идеале устранить фактор цифрового неравенства среди населения, которое связано и с коммерциализацией сетевых каналов [1]. Это важно и потому, что отдельные исследования [18] указывают на примечательную специфику цифровой социализации: пользователи на ее начальном этапе относятся к интернет-пространству как к тому пространству, где возможно социальное равенство (внешне представляется, что в этой сфере нет социальных, возрастных, интеллектуальных и других ограничений). Такой запрос на социальное равенство посредством цифровой среды при наложении на сохраняющееся цифровое неравенство отдельных групп

населения, регионов страны чреват ростом социального недовольства. На основном же этапе цифровой социализации важную роль играет принятие пользователями логики множественности, репликации образов. Меняется даже отношение ко времени, к которому пользователи могут относиться как к обратимому (цифровая среда вводит новые режимы темпоральности), что, безусловно, закладывает дополнительные риски исторических фальсификаций и мифов, подрыва важных для сохранения государства мировоззренческих смыслов. Тем самым характер цифровой социализации диктует для современного государства необходимость создания доступных каждому гражданину цифровых государственных экосистем, способных, с одной стороны, удовлетворить запросы на социальную и экономическую активность, и, с другой стороны, успешно воспроизводить коллективные мировоззренческие смыслы, формировать непротиворечивую идентичность принадлежности к стране и ее историческому наследию.

Современной России важна та политическая экономия, которая концептуально будет сопровождать конструирование собственной цифровой экосистемы государства, – независимой в кадровом, технологическом и ментальном плане от транснациональных цифровых корпораций, поддерживающих стратегию сохранения однополярного мироустройства и наказывающих несогласных с этим практиками «культуры отмены», деплатформизации. Адаптивность российского политического режима к вызовам и социальным аттракторам качественно повысится, если государственная информационная политика, программы подготовки новых кадров, развития перспективах секторов экономики, государственная инвестиционная политика станут стратегически ориентироваться на будущее страны – создание собственной уникальной метавселенной.

Сетевая архитектура такой метавселенной должна подчиняться общественным интересам, а не интересам транснациональных цифровых корпораций. Важнейшей ее функцией должно стать обеспечение полноценного согласия между гражданами, между разными социальными группами населения, между обществом и государством. Достижение *общественного согласия* в условиях национальной метавселенной может предполагать несколько значимых направлений:

а) формирование качественной общественно-важной новостной повестки с элементами доказательной государственной политики (*state evidence-based policy*), освещающей существующие процессы в стране и мире на высоком профессионально-экспертном уровне (обращение к экономистам, политологам, социологам, культурологам), а также поддерживающей уверенность населения в объективности реализуемых правительством решений;

б) воспроизводство российской идентичности, отличающейся от идентичностей других стран (она должна учитывать цивилизационную специфику, культурное, этно-национальное, религиозное богатство населяющих Россию народов, традиции семьи, предполагать непротиворечивую историческую память, включающую консолидирующие символы);

в) регулярный мониторинг сетевого дискурса, фейков, информационных вбросов, нацеленных на провоцирование паники, гражданских волнений, разрушение общественного согласия (для этих целей могут пригодиться нейронные сети с машинным обучением, способные распознавать деструктивные мемы, символы, образы [33]);

г) поддержание доверия к политическим и социальным институтам со стороны населения (логично развивать сетевую инфраструктуру портала Госуслуг посредством внедрения в соответствующее веб-приложение для каждого гражданина функционала персонализированного интеллектуального ассистента, помогающего разбираться в текущих вопросах; также стоит адаптировать цифровую экосистему таких ресурсов под запросы общественных инициатив, проектов граждан, молодежных организаций, а также нужды бизнеса);

д) создание качественной обратной связи между каждым гражданином и уровнями власти (муниципальной, региональной, федеральной), для чего можно использовать и развивать опыт платформ Добродела, Активного Гражданина и т.п. (каналы обратной связи

между гражданином и представителем власти, их коммуникация по существующим проблемам должна обязательно учитывать специфику конкретного субъекта Российской Федерации);

е) инициация позитивной государственной повестки в виде постепенного охвата и вовлечения населения в государственные проекты и программы, нацеленные на переподготовку кадров, развитие новых сегментов экономики, консолидацию страны.

Цифровая экосистема государства должна состоять не просто из качественного программного обеспечения, созданного и поддерживаемого отечественными разработчиками, но и учитывать закономерности функционирования семиосферы – семиотического пространства, без которого невозможно существование любой мировоззренческой картины. Речь, в первую очередь, идет о бинарности и асимметричности [17, с. 188-199]. Бинарность хорошо видна на примере ценностных кодов, из которых в любой цифровой экосистеме формируются сетевые дискурсы, – мемов, хештегов, символов, используемых пользователями на принципах архетипических бинарных оппозиций («мы/они», «свое/чужое» и др.). Асимметрия же означает деление мировоззрения, мировоззренческих картин, смыслов, сетевых дискурсов с ценностной нагрузкой на семиотический центр (ядро) и периферию. Соотношение центральных и периферийных смыслов хорошо видно на примере возникающих сетевых сообществ интернет-коммуникаций.

Полностью отбросить периферийные, обсуждаемые смыслы, оставив только ядро, не получится, – мировоззренческая система потеряет гибкость и способность отвечать на бесконечные внутренние и внешние вызовы, проходить через социальные аттракторы и успешно развиваться. Ответом государственной цифровой экосистемы (национальной метавселенной) на подобные вызовы должно стать контролирование важнейших сетевых узлов, предлагающих актуальную аргументацию существующей и общепринятой мировоззренческой системы. Узлы могут включать интегрированные информационные системы и каналы государственных ведомств, университетов, научных институтов и средних общеобразовательных учреждений (школ). Сеть таких узлов должна превратиться в активный генератор государственной повестки, миссией которой будет не только трансляция, объяснение, напоминание базовых элементов мировоззренческой картины, но и быстрое реагирование на появление нового дискурса, критической, противоречивой информации. Тотальное игнорирование критического дискурса приведет к вторжению иных мировоззренческих компонентов, интерпретирующих происходящие процессы. Следствием этого станет то, что гражданин будет сомневаться в государственных решениях, обращаться к конспирологическим версиям, искать объяснения среди альтернативных информационных каналов и площадок, подвергаясь рискам попасть под влияние фейков и деструктивной пропаганды.

Если государство не выравнивает свой режим медиации (медиарежим) в соответствии с технологическими трансформациями и запросами времени, то возникает опасность – граждане могут посчитать традиционные каналы коммуникации между обществом и властью просто бессмысленными и начать обращаться к *ксенокоммуникации* [8, с. 183] – пользоваться теми коммуникационными каналами и практиками, которые раньше казались невозможными, недопустимыми, опасными и полностью отвергались.

Информационное поле ни в коем случае нельзя оставлять свободным, не занятым государственной позицией по актуальным и критическим вопросам. Такая государственная позиция по тому или иному провокационному либо рутинному вопросу обязательно должна быть подкреплена научным и экспертным сообществом, предполагать принципы доказательной политики. Для этого и потребуются качественная интеграция разных информационных систем в сетевые узлы. Исследования О. Байши свидетельствуют, что жесткая и целенаправленная поляризация участников веб-порталов, маргинализация дискурса, конструирование простых дихотомий, символическое уничтожение оппонентов приводит к драматическим политическим последствиям (а также закладывает условия для зомби-политики, раскалывающей общество). От организации, структуры дискурсов зависят и

формы политических действий в стране [3, с. 56, 67-68, 105-107]. Фрагментация общественного сознания на разнообразные конкурирующие мировоззренческие системы (от консервативных до революционных) в отсутствие просветительской работы и налаженного механизма межгрупповой созидательной деятельности, как правило, запускает зомби-политику и приводит к большим противоречиям и катаклизмам в обществе [20].

Требуется понять и другую проблему – создание целиком иерархической, не допускающей абсолютно никакого сетевого дискурса цифровой государственной экосистемы приведет к перенаправлению дискурсивных потоков на альтернативные коммуникационные площадки, в том числе иностранные, где граждане станут погружаться в среду иного мировоззрения. Тогда как полное исключение фактора мировоззренческого ядра из такой цифровой экосистемы и системы дискурсивного обоснования его значимости для общества и государства неминуемо приведет данный проект национальной метавселенной к состоянию сетевой анархии или захвату дискурса со стороны внешних интересантов и авторитетов. Вот почему цифровая государственная экосистема должна учесть «аристотелевский принцип» [30, с. 374], создав такой пользовательский интерфейс, который бы обеспечивал для граждан возможности личностного самовыражения (с их постепенным вовлечением в обсуждение действительных проблем и участием в интересных проектах страны консолидирующего характера). «Аристотелевский принцип» лучше всего применить на примере вовлечения населения в общенациональные проекты, где граждане могли бы реализоваться как сетевые лидеры собственных команд, подключенных к решению общегосударственных, региональных и местных проблем.

Петербургские исследователи как раз считают, что важным фактором цифровой среды становятся *сетевые лидеры* (инфлюэнсеры), которые должны соответствовать следующим требованиям [1]: наличию постов, провоцирующих массовое обсуждение в социальных сетях (57%), отражению онлайн-мероприятий, также вызывающих массовый интерес (41%). Большое число подписчиков, кстати, не играет определяющей роли. Респонденты к качествам сетевых лидеров добавляют честность, управленческие навыки, профессионализм, способность формировать сообщества, убеждать, влиять на аудиторию, навыки работы с текущими трендами, дискуссионными мероприятиями, харизматичность, ораторские способности, готовность к прямым контактам с аудиторией. От сетевых лидеров ждут аналитической оценки политических событий, их анонсов, освещения политических новостей, учет образовательной составляющей контента. Выходит, что национальная метавселенная должна обеспечить условия и для таких инфлюэнсеров (блогеров, влогеров), принимающих участие в формировании мировоззренческой картины.

При создании цифровой экосистемы государство в своих проектах должно учитывать, что человек может приходить в виртуальную реальность с неразвитым мировоззрением и одновременно нереализованными амбициями в реальной жизни. Но по возвращению из цифровой среды у такого человека может возникнуть мировоззренческий конфликт, так как в реальном мире он также не получает возможности реализовать свои способности. И это способно привести к девиантному поведению [9]. Чтобы не произошло провоцирование девиации, важным фактором государственной политики становится создание благоприятных условий для формирования устойчивого мировоззрения, которое помогает гражданину сформировать личное отношение к различного рода информации, в том числе политической. Однако это не так просто, – цифровые ресурсы предполагают принципы гипертекста, – полилогичного, без четкой структуры, не обязательно систематизированного, включающего цитаты, факты, мнения, креализованный контент, разные сведения [10]. Сложность заключается в том, чтобы, с одной стороны, такая метавселенная была способна сохранять мировоззренческое ядро, предотвращать проникновение деструктивных идей (экстремистских, неонацистских, радикальных, опасных для государственной целостности) в общество, с другой стороны, создавала возможность для обсуждения гражданами вопросов различного плана, обеспечивала качественные каналы обратной связи между населением и властью и стала эффективным механизмом активной просветительской деятельности.

Цифровая платформа должна одновременно сохранять ценности страны и давать дорогу инновациям.

Каким должно быть это мировоззренческое ядро? Для каждой страны здесь, безусловно, будет закладываться цивилизационная специфика нынешних реалий – для Китая одна, для США другая. Например, в современной России до сих пор важна ценность справедливости и воплощающее ее в жизнь «государство правды», что сохраняется с древнерусской традиции совпадения «истины» и «правды» [14, с. 85]. Совмещение у россиян традиционалистской ценности справедливости с модернистскими ценностями благосостояния и порядка [15, с. 119] обусловлено сложным цивилизационным развитием России и определяет то, что стратегической задачей государства на фоне мировоззренческих рисков цифрового пространства становится сохранение самой идеи государственности. Однако ценность справедливости важно сочетать с задачами достижения общественного согласия.

Идея государственности в условиях использования зарубежными и транснациональными акторами цифровых коммуникаций для продвижения своих интересов и выгодных им смыслов может сохраняться и органично развиваться, если у носителя этой идеи – гражданина, выборного политика и назначаемого государственного деятеля «...государственный интерес и его личный интерес пребывают в состоянии живого неразложимого тождества» [13, с. 233]. Особенно недопустимы в цифровой среде мировоззренческие противоречия на уровне лиц, занимающих государственные должности, – эксперименты, проведенные С. Милгрэмом, хорошо показали, что демонстрация открытых противоречий между авторитетами, как правило, парализует привычный порядок действий граждан [24, с. 153].

Мировоззренческое ядро состоит из тех традиций и культурных норм, их консолидированных интерпретаций, которые обусловлены историческим развитием конкретной страны. Оно ценностно определяет, легитимирует идентичность страны, внутреннюю и внешнюю политику государства, влияет на геополитические процессы. *Аксиомахия* (ценностная война) – ключевая характеристика современного цифрового пространства, которая закладывает вызовы для существования мировоззренческого ядра. На захват периферии мировоззрения и изменение самого его ядра посредством цифровых каналов претендуют совершенно разные акторы – от государств до террористических группировок. Из-за постоянной аксиомахии национальная метавселенная должна предполагать включение искусственных интеллектуальных агентов, способных: а) осуществлять регулярный мониторинг актуальных сетевых дискурсов среди пользователей с целью глубокого понимания их ключевых проблем; б) выявлять явно заказные дискурсы, несущие угрозы для мировоззренческих основ государства; в) своевременно реагировать на факты информационных атак, поддержки и возрождения деструктивных исторических мифов, вбросов новых фейков, организованных псевдодискурсов (особенно через слактивистов и кликтивистов), г) отслеживать попытки управления сетевым дискурсом со стороны искусственных интеллектуальных агентов, находящихся под контролем внешних акторов (иностранных, транснациональных).

Дискурс-анализ, как важнейший метод современного политологического исследования, логично адаптировать под функционирование таких интеллектуальных агентов, постоянно регистрирующих трансформации сетевого дискурса в цифровой экосистеме государства. Ориентиром изменения дискурса, его резкой политизации может являться появление, смена или исчезновение значимых медийных фреймов – основных организующих идей, сюжетных дискурсивных линий, претендующих на определение, интерпретацию ценностных проблем или предлагающих заказные «рекомендации» по решению таких проблем [3, с. 108]. Чтобы лучше выявлять и анализировать медийные фреймы, искусственные интеллектуальные системы могут обучаться на примерах соответствующих метафор – ярких слагаемых сетевых дискурсов, формирующих мировоззренческие смыслы (одним из первых на проблематику метафор обратил внимание в «Риторике» и «Поэтике» Аристотель).

Чтобы выиграть в аксиомахии, параллельно идущей с информационной войной, национальной метавселенной следует предположить в своей архитектуре такой интерфейс, алгоритмы, аффордансы и порядки коммуникации, которые станут не только включать сетевое лидерство, но и опираться на принципы *медиаграмотности*. Находящаяся на низком уровне медиаграмотность делает граждан заложниками политических манипуляций, фальшивых новостей, может привести любой сетевой дискурс к агрессии [5]. Вполне вероятно, что ответом на такой вызов может стать грамотное медиапросвещение пользователей цифровой экосистемы со стороны сетевых лидеров, обладающих медиакомпетенциями.

Рецепты «замедления демократии», предложенные британским политологом С. Коулманом, можно использовать при создании в цифровой государственной экосистеме не только удобного интерфейса для глубокого знакомства граждан с политическим процессом, принятием политических решений, но и с целью мировоззренческого просвещения. Сетевые дискурсы, которые могут возникнуть в любой метавселенной, как только она начинает предоставлять пользователям разнообразный функционал для коммуникации и создания сообществ, необходимо развивать в рамках компромиссной модели агонизма (Ш. Муфф) [3, с. 83], чтобы участники дискурса всегда оставались в общем символическом пространстве и не переходили к непримиримой модели антагонизма.

Послесловие

Итак, эпистемологические сдвиги способствовали тому, что государство, как основной политический институт, было вынуждено последовательно сотрудничать с тремя сменяющимися друг друга группами, контролирующими производство мировоззренческих смыслов (домодерн – священники, модерн – светская интеллигенция и владельцы медиакорпораций, постмодерн – программисты и владельцы цифровых техногигантов). Последний эпистемологический сдвиг означал не просто кризис прежних мировоззренческих систем, – при нем совпало два процесса: появление Интернета и возникновение цифрового капитализма (надзорного капитализма, капитализма платформ), при котором цифровые корпоративные гиганты стали конкурентами государства в формировании мировоззренческих картин. Превращение постмодернистского государства в своеобразный эллипс создает для него серьезные риски окончательного отключения от механизма создания мировоззренческих смыслов за счет передачи этой сферы растущим транснациональным цифровым корпорациям. Но цифровые техногиганты, проводящие масштабные эксперименты в сфере сетевых эффектов, сетевых ульев и поведенческих реакций, не контролируемые обществом, могут далеко зайти в этом направлении, перестроив сжавшееся политическое ядро постмодернистского государства под свои интересы и цели или задачи их симбиотических партнеров – других государств, борющихся за геополитическую гегемонию. Сама идея государственности подвергается серьезной угрозе, из-за того, что транснациональные корпорации на деле воспроизводят однополярный миропорядок.

В этой ситуации российскому государству стратегически важно обратить внимание на цифровую социализацию, механизм которой будет ориентирован на формирование общественного согласия, устойчивой идентичности, связанной с историей России, общей судьбой населяющих ее народов. Такая цифровая социализация должна заменить разрушительные процессы инфляции профиля и социального сравнения, создающих нестабильные идентичности-хамелеоны, безразличные к обществу и государству. Симфония коллективного мировоззрения и индивидуальных мировоззрений невозможна без обратной трансформации праздного, конформистского Потребителя в ответственного и социально, экономически просвещенного Гражданина, способного реализовать свои запросы в политической агентности современного типа – сетевом лидерстве среди команд национальных проектов, направленных на консолидацию страны. Это, в свою очередь, может получиться только при достижении цифрового суверенитета – развитии целой группы цифровых корпораций, подконтрольных интересам государства, конкурирующих за инвестиционные

проекты, направленные на показатели повышения уровня жизни граждан. Наиболее лучшим сценарием работы национальной метавселенной – собственной цифровой экосистемы государства – видится гармония двух принципов: во-первых, допуск сетевого дискурса и сетевого лидерства, ориентированных на развитие и созидание, во-вторых, защита мировоззренческого ядра страны для сохранения общественного согласия. Разработка алгоритмов, программного обеспечения, искусственных интеллектуальных агентов для цифровой экосистемы государства должна иметь основной целью не прибыль, а развитие и совершенствование общества. Только таким способом современное государство сможет ответить на мировоззренческие вызовы цифрового пространства.

Литература

1. *Ачкасова В.А., Добровольская Ю.А.* Сетевое лидерство: к вопросу о механизме политической мобилизации //Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5. – №4. – С. 23-36. – DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-4-23-36.
2. *Багдасарян В.Э.* Мировоззрение в проекции политической мифологии: генезисные основания идеологического строительства //Журнал политических исследований. - 2022. - Т. 6. - №3.
3. *Байша О.* Дискурсивный разлом социального поля: Уроки Евромайдана. - М.: ВШЭ. 2021. 184 с.
4. *Блинов В.В.* Становление советской идеократии как новой эффективной формы централизованного государства в индустриальном XX веке (1917 – 1953) //Журнал политических исследований. - 2022. - Т. 6. - №3.
5. *Быков И.А., Медведева М.В.* Значение медиаграмотности для политической коммуникации в России //Журнал политических исследований. - 2021. - Т. 5. - №4. - С. 7-22. – DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-4-7-22.
6. *Володенков С.В.* Окружающий мир как симулятивная реальность: о коммуникационных основах современного мировоззрения //Журнал политических исследований. - 2022. - Т. 6. - №3.
7. *Граммши А., Лукач Д.* Наука политики. Как управлять народом. - М.: Родина. 2020. 336 с.
8. *Гэллоуэй А.Р., Такер Ю., Уорк М.* Экскоммуникация: три эссе о медиа и медиации. Пер. с англ. - М.: Ад Маргинем Пресс. 2022. 256 с.
9. *Емельяненко В.Д.* Интернет и ценностно-мировоззренческие основания морали //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2013. - № 9-2(35). - С. 58-62.
10. *Емельяненко В.Д., Яненко Е.М.* Человек и Интернет: диалектика знаний и информации //Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. - 2021. - №2(20). - С. 4-21. - DOI: 10.17726/philIT.2021.2.1.
11. *Жиру А.А.* Зомби-политика и культура в эпоху казино-капитализма. /Пер. с англ. - Х.: Гуманитарный центр. 2015. 284 с.
12. *Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. - М.: Изд. Института Гайдара. 2022. 784 с.
13. *Ильин И.А.* Путь духовного обновления. - М.: Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна. 2017. 1216 с.
14. *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. - М.: РОССПЭН. 1997. 432 с.
15. *Когатько Д.Г., Тхакахов В.Х.* Российская идентичность: Культурно-цивилизационная специфика и процессы трансформации. - СПб.: Алетейя. 2010. 136 с.
16. *Крауч К.* Постдемократия. - М.: Изд. дом ВШЭ. 2010. 192 с.
17. *Лотман Ю.* Внутри мыслящих миров. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2022. 448 с.
18. *Лучинкина А.И.* Специфика мировоззрения интернет-пользователей //Проблемы современного педагогического образования. - 2016. - № 51-1. - С. 311-317.

19. *Мартынов М.Ю., Сердюков Д.В.* Концепт мировоззрения в публичном дискурсе кризисного общества //Журнал политических исследований. - 2022. - Т. 6. - №3.
20. *Матюхин А.В. М.М.* Сперанский: особенности российских реформ //Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6. – № 2. – С. 21-30. – DOI 10.12737/2587-6295-2022-6-2-21-30.
21. *Матюхин А.В., Давыдова Ю.А.* Политический абсентеизм как часть мировоззрения студенческой молодежи г. Москвы //Журнал политических исследований. - 2022. - Т. 6. - №3.
22. *Манович Л.* Теории софт-культуры. - Нижний Новгород: Красная Ласточка. 2017. 208 с.
23. *Манович Л.* Язык новых медиа. - М.: Ад Маргинем Пресс. 2018. 400 с.
24. *Милгрэм С.* Подчинение авторитету: Научный взгляд на власть и мораль. /Пер. с англ. 3-е изд. - М.: Альпина нон-фикшн. 2022. 282 с.
25. *Морозова Е.В., Плотицкина Н.В., Попова К.И.* Государство как агент цифровой социализации //Вестник Пермского университета. Политология. - 2019. - Т. 13. - №2. - С. 5-16. – DOI 10.17072/2218-1067-2019-2-5-16.
26. *Некрасова Н.А., Некрасов С.И.* Мировоззрение как объект философской рефлексии //Современные наукоемкие технологии. - 2005. - №6. - С. 20-23.
27. *Платон.* Диалоги: [пер. с древнегр.]. - М.: Эксмо. 2020. 560 с.
28. *Платон.* Законы, Послезаконие, Письма. - СПб.: Наука. 2014. 519 с.
29. *Платон.* Филеб, Государство, Тимей, Критий. /Пер. с древнегреч. С.С. Аверинцева, А.Н. Егунова, Н.В. Самсонова, примеч. А.Ф. Лосева. - М.: Мысль. 1999. 656 с.
30. *Ролз Дж.* Теория справедливости. /Пер. с англ., изд. 3-е. - М.: УРСС: ЛЕНАНД. 2017. 536 с.
31. *Срничек Н.* Капитализм платформ. 2-е изд. - М.: Изд. дом. ВШЭ. /Пер. с англ. М. Добряковой. 2020. 128 с.
32. *Тютчев Ф.И.* Россия и Запад. /Сост., вступ. ст. Б.Н. Тарасова. Изд. 2-е. - М.: Институт русской цивилизации, Родная страна. 2016. 592 с.
33. *Федорченко С.Н.* Наступление метавселенной: возможности и ограничения цифровых технологий в купировании рисков нацизма //Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2022. – № 3. – С. 21-38. – DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-21-38.
34. *Философский словарь.* /Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. - М.: Политиздат. 1963. 554 с.
35. *Фуко М.* Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1977 – 1978 учебном году. /Пер. с фр. - СПб.: Наука. 2011. 544 с.
36. *Ярулин И.Ф., Поздняков Е.И.* Мировоззренческий раскол в Европе //Журнал политических исследований. - 2021. - Т. 5. - №1. С. 133-149. - DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-1-133-149.
37. *Aerts D., Apostel L., et al.* Wereldbeelden, Van Fragmentering Naar Integratie. - Kapellen: DNB/Pelckmans, 1991. 84 p.
38. *Innis H.* Empire and Communications. - Oxford: Oxford University Press. 1950. 109 p.
39. *Lash S.* Power after Hegemony: Cultural Studies in Mutation //Theory, Culture & Society. - 2007. – Vol. 24. Iss. 3. - P. 55–78.
40. *Lipiäinen T., Halafoff A., Mansouri F. & Bouma G.* Diverse worldviews education and social inclusion: a comparison between Finnish and Australian approaches to build intercultural and interreligious understanding //British Journal of Religious Education. - 2020. - Vol. 42. - Iss. 4. - P. 391-402. - DOI: 10.1080/01416200.2020.1737918.

References

1. Achkasova V.A. Dobrovolskaya Yu.A. Setevoe liderstvo: k voprosu o mekhanizme politicheskoy mobilizatsii [Network leadership: to the question of the mechanism of political mobilization], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, I. 4, pp. 23-36, DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-4-23-36. (In Russian).
2. Bagdasaryan V.E. Mirovozzrenie v proektsii politicheskoy mifologii: genezisnye osnovaniya ideologicheskogo stroitel'stva [Worldview in the projection of political mythology: the genesis

- foundations of ideological construction], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2022, V. 6, I. 3. (In Russian).
3. Baisha O. *Diskursivnyy razlom sotsial'nogo polya: Uroki Evromaydana* [Discursive Fracture of the Social Field: Lessons from Euromaidan], M., Izd. dom. VShE Publ., 2021, 184 p. (In Russian).
 4. Blinov V.V. Stanovlenie sovetskoj ideokratii kak novej jeffektivnoj formy centralizovannogo gosudarstva v industrial'nom XX veke (1917 – 1953) [The formation of the Soviet ideocracy as a new effective form of a centralized state in the industrial XX century (1917 - 1953)], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2022, V. 6, I. 3. (In Russian).
 5. Bykov I.A., Medvedeva M.V. The value of media literacy for political communication in Russia [Znachenie mediagramotnosti dlya politicheskoy kommunikatsii v Rossii], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, I. 4, pp. 7-22, DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-4-7-22. (In Russian).
 6. Volodenkov S.V. Okruzhajushhij mir kak simuljativnaja real'nost': o kommunikacionnyh osnovah sovremennogo mirovozzrenija [The surrounding world as a simulation reality: on the communication foundations of the modern worldview], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2022, V. 6, I. 3. (In Russian).
 7. Gramshi A., Lukach D. *Nauka politiki. Kak upravlyat' narodom* [The science of politics. How to manage the people], M., Rodina Publ., 2020, 336 p. (In Russian).
 8. Gellouey A.R., Taker Yu., Uork M. *Ekskommunikatsiya: tri esse o media i mediatsii* [Excommunication: three essays on media and mediation]. Tr. from. engl. M., Ad Marginem Press Publ., 2022, 256 p.
 9. Emel'yanenko V.D. Internet i tsennostno-mirovozzrencheskie osnovaniya morali [Internet and value-ideological foundations of morality], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice], 2013, I. 9-2(35), pp. 58-62, DOI: 10.17726/philIT.2021.2.1. (In Russian).
 10. Emel'yanenko V.D., Yanenko E.M. Chelovek i Internet: dialektika znaniy i informatsii [Man and the Internet: dialectics of knowledge and information], *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva* [Philosophical problems of information technologies and cyberspace], 2021, I. 2(20), pp. 4-21, DOI: 10.17726/philIT.2021.2.1. (In Russian).
 11. Zhiru A.A. *Zombi-politika i kul'tura v epokhu kazino-kapitalizma* [Zombie politics and culture in the era of casino capitalism], Transl. from English. H., Gumanitarnyy tsentr Publ., 2015, 284 p. (In Russian).
 12. Zuboff Sh. *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti* [The era of surveillance capitalism. The battle for the human future at the new frontiers of power], M., Izd. Instituta Gaydara Publ., 2022, 784 p. (In Russian).
 13. Il'in I.A. *Put' dukhovnogo obnoveniya* [The path of spiritual renewal], Izd. 2-e., M.: Institut russkoy tsivilizatsii, Rodnaya strana Publ., 2017, 1216 p. (In Russian).
 14. Il'in M.V. *Slova i smysly. Opyt opisaniya klyuchevykh politicheskikh ponyatij* [Words and meanings. Experience in describing key political concepts], M., ROSSPEN Publ., 1997, 432 p. (In Russian).
 15. Kogat'ko D.G., Tkhakakhov V.Kh. *Rossiyskaya identichnost': Kul'turno-tsivilizatsionnaya spetsifika i protsessy transformatsii* [Russian Identity: Cultural and Civilization Specifics and Processes of Transformation], SPb., Aleteyya Publ., 2010, 136 p. (In Russian).
 16. Krauch K. *Postdemokratiya* [Postdemocracy], M., Ed. Izd. dom. VShE Izd. dom. VShE Publ., 2010, 192 p. (In Russian).
 17. Lotman Yu. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside the thinking worlds], SPb., Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2022, 448 p. (In Russian).
 18. Luchinkina A.I. Spetsifika mirovozzreniya internet-pol'zovateley [The specificity of the worldview of Internet users], *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2016, I. 51-1, pp. 311-317. (In Russian).

19. Martynov M.Yu., Serdyukov D.V. Kontsept mirovozzreniya v publichnom diskurse krizisnogo obshchestva [The concept of worldview in the public discourse of a crisis society], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2022, V. 6, I. 3. (In Russian).
20. Matyukhin A.V. M.M. Speranskiy: osobennosti rossiyskikh reform [Speransky: features of Russian reforms], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2022, V. 6, I. 2, pp. 21-30, DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-2-21-30. (In Russian).
21. Matyukhin A.V., Davydova Yu.A. Politicheskiy absenteizm kak chast' mirovozzreniya studencheskoy molodezhi g. Moskvy [Political Absenteeism as a Part of the Worldview of Student Youth in Moscow], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2022, V. 6, I. 3. (In Russian).
22. Manovich L. *Teorii soft-kul'tury* [Theories of soft culture], Nizhniy Novgorod, Krasnaya Lastochka Publ., 2017, 208 p. (In Russian).
23. Manovich L. *Yazyk novykh media* [The language of new media], M., Ad Marginem Press Publ., 2018, 400 p. (In Russian).
24. Milgrem S. *Podchinenie avtoritetu: Nauchnyy vzglyad na vlast' i moral'* [Submission to authority: A scientific view of power and morality], Transl. from English, 3-e izd., M., Al'pina non-fikshn Publ., 2022, 282 p. (In Russian).
25. Morozova E.V., Plotichkina N.V., Popova K.I. Gosudarstvo kak agent tsifrovoy sotsializatsii [State as an agent of digital socialization], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of the Perm University. Political science], 2019, V. 13, I. 2, pp. 5-16, DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-5-16. (In Russian).
26. Nekrasova N.A., Nekrasov S.I. Mirovozzrenie kak ob"ekt filosofskoy refleksii [Worldview as an object of philosophical reflection], *Sovremennye naukoemkie tekhnologi* [Modern science-intensive technologies], 2005, I. 6, pp. 20-23. (In Russian).
27. Platon. *Dialogi* [Dialogues], M., Eksmo Pub., 2020, 560 p. (In Russian).
28. Platon. *Zakony, Poslezakonie, Pis'ma* [Laws, Post-law, Letters], SPb., Nauka Publ., 2014, 519 p. (In Russian).
29. Platon. *Fileb, Gosudarstvo, Timey, Kritiy* [Philebus, State, Timaeus, Critias], M., Mysl' Publ., 1999, 656 p. (In Russian).
30. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [Theory of justice], Transl. from English, ed. 3rd., M., URSS: LENAND Publ., 2017, 536 p. (In Russian).
31. Srnichek N. *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism], 2-e izd., Transl. from English M. Dobryakova, M.: Izd. dom. VShE Publ., 2020, 128 p. (In Russian).
32. Tyutchev F.I. *Rossiya i Zapad*. [Russia and the West], Sost., vstup. st. B.N. Tarasova. Izd. 2-e, M., Institut russkoy tsivilizatsii, Rodnaya strana Publ., 2016, 592 p. (In Russian).
33. Fedorchenko S.N. The onset of the metaverse: the possibilities and limitations of digital technologies in stopping the risks of Nazism [Nastuplenie metavselennoj: vozmozhnosti i ogranicheniya cifrovyyh tehnologij v kupirovanii riskov nacizma], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorija i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences], 2022, I. 3, pp. 21-38, DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-21-38. (In Russian).
34. *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. /Ed. by M.M. Rozentalya i P.F. Yudina. M., Politizdat Publ., 1963 554 p. (In Russian).
35. Fuko M. *Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lektsiy, pročitannyy v Kollezh de Frans v 1977 – 1978 uchebnom godu* [Security, territory, population. A course of lectures delivered at the College de France in the 1977-1978 academic year], Transl. from fr., SPb., Nauka Publ., 2011, 544 p. (In Russian).
36. Yarulin I. F., Pozdnyakov E. I. Mirovozzrencheskiy raskol v Evrope [Worldview split in Europe], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, I. 1, pp. 133-149. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-1-133-149. (In Russian).
37. Aerts D., Apostel L., et al. *Wereldbeelden, Van Fragmentering Naar Integratie*, Kapellen, DNB/Pelckmans Publ., 1991, 84 p.

38. Innis H. *Empire and Communications*, Oxford, Oxford University Press Publ., 1950, 109 p.
39. Lash S. Power after Hegemony: Cultural Studies in Mutation, *Theory, Culture & Society*, 2007, V. 24, I. 3, pp. 55–78.
40. Lipiäinen T., Halafoff A., Mansouri F. & Bouma G. Diverse worldviews education and social inclusion: a comparison between Finnish and Australian approaches to build intercultural and interreligious understanding, *British Journal of Religious Education*, 2020, V. 42, I. 4, pp. 391-402, DOI: 10.1080/01416200.2020.1737918.